

щального исследования, обратимся лишь к источниковедческой стороне его работы.

Прежде всего отметим, что Пусэ последовательно пользуется методом сравнения различных версий античных авторов и сопоставляет их, по возможности, с новейшими данными археологии, эпиграфики и ономастики. Древнейшей версией «сабинского периода» он считает версию Ливия. Однако эта «древность», по его мнению, весьма относительна, она не опускается в целом ниже начала III в. до н. э. и к тому же не служит гарантией достоверности. Древнейшая история во многом — псевдоистория. Так же — вполне в духе гиперкритики — Пусэ утверждает, что захват Капитолия Тацетом и его битва с Ромулом на форуме сконструированы по более поздним историческим моделям. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в противоречии с гиперкритикой историческими Пусэ считает события достаточно глубокой древности (конфликты римлян с сабинянами, начиная с 505 г. до н. э., эпизод с Аппием Гердонием), не отвергает возможности проникновения этрусков в Рим до VI в. до н. э. и призывает историков уважать традицию и работать над ней, оговаривая, что его анализ касается только «сабинской легенды». Отвергая традицию о важной роли сабинян в создании Рима, Ж. Пусэ тем самым подчеркивает свое положительное отношение к версиям о решающей роли собственно римского элемента. Все это, несмотря на разрушительную критику «сабинизма», позволяет отнести и

Ж. Пусэ к крылу историков, отошедших от категоричности гиперкритицизма, который допускал достоверность традиции лишь начиная с событий III в. до н. э.

Подведем некоторые итоги. Уже само появление рассматриваемых здесь работ весьма симптоматично, отражая новое состояние круга источников, т. е. его расширение, а вместе с тем и более объективное отношение к античной римской традиции. При всех оговорках фактически признается, что ливианская традиция может быть использована для реконструкции истории древнейшего Рима, т. е. царской эпохи и начала Республики. Источниковедческая критика идет по пути вскрытия этруских, сабинских и других версий в традиции, обнаруживая ее самые ранние пласты, хотя они не всегда оказываются наиболее достоверными. Тем более важным представляется в этой связи сопоставление традиции с археологическими памятниками и данными этрускологической науки. Уже теперь можно, перефразируя Ф. Мищенко, сказать, что в начале нашего века был произведен «не в меру строгий суд» над Ливием, да и над всей римской традицией. К. М. Францери, Р. Блок и Ж. Пусэ в своих книгах практически отходят от мнения о невозможности изучения древнейшего Рима и дают заслуживающие внимания образцы плодотворного и критического использования для этих целей римской, в первую очередь ливианской, традиции.

П. Л. Маяк

RONALD SYME, *Ammianus and the Historia Augusta*, Oxford, 1968, 238 стр.

Historia Augusta — одно из самых загадочных произведений античной литературы. Если верить прямым показаниям этого сборника биографий римских императоров, соправителей, претендентов и узурпаторов (начиная с Адриана и кончая Кариниом), то перед нами собрание жизнеописаний, написанных шестью авторами. Эти шесть авторов: Элий Спартиан, Юлий Капитолий, Вулций Галликан, Элий Лампридий, Требеллий Поллион, Флавий Вописк. В большинстве биографии снабжены посвящением императору Диоклетиану (время правления 284—305 гг.) немногие — императору Константину (время правления 306—337 гг.); таким образом, сборник выдает себя за произведение конца III — первой трети IV в.

Достоверность этих показаний давно уже вызвала сомнения. Сначала исто-

рико-филологическая критика доказывала наличие в биографиях отдельных неточностей, ошибок, подложных документов, тех или иных выдумок. В дальнейшем дошла очередь и до показаний об авторах и времени составления сборника. Новый этап в изучении *НА* открыли две статьи Г. Дессау (1889 и 1892 гг.)¹. Основные выводы Г. Дессау направлены против традиционных представлений об авторах и времени возникновения биографий. Прежде всего ряд анахронизмов не позволяет относить сборник к временам Диоклетиана и Константина: речь идет

¹ H. Dessau, Über die Zeit und Persönlichkeit der Scriptores Historiae Augustae, «Hermes», 24, 1889, стр. 337—392; он же, Über die Scriptores Historiae Augustae, «Hermes», 27, 1892, стр. 561—605.

о явлениях и именах, которые трудно представить себе в сочинениях конца III — начала IV в. и о заимствованиях из историков, писавших после 360 г. (Аврелий Виктор, Евтропий), о скрытой полемике с этими историками, а также о некоторых бросающихся в глаза случаях несведомленности, изобличающих человека конца IV столетия н. э. С другой стороны, давно замеченное сходство языка и стиля всех так называемых шести авторов идет настолько далеко, что не может быть объяснено вмешательством единого редактора. Отсюда само собой напрашивающееся заключение: под шестью именами выступает один автор конца IV в.

После Г. Дессау разработка вопроса шла в двух направлениях. Один продолжали линию Г. Дессау, увеличивая список несообразностей, встречающихся в биографиях, и тем самым накапливали новые доказательства в пользу поздней датировки сборника, другие пытались отстаивать традиционные мнения. Те же два направления, традиционное и критическое, наблюдаются и в вопросе о количестве авторов сборника. Хотя чаша весов уже вскоре после выхода в свет статей Г. Дессау начала больше склоняться в пользу новых взглядов на НА, однако были и выступления противников Г. Дессау; в частности, автор статьи о НА в RE еще в 1915 г. считал возможным отстаивать традиционные точки зрения². Чем дальше, тем реже раздаются голоса, защищающие показания НА о времени ее возникновения и о ее авторах³.

Автор рецензируемой книги, Р. Сайм, стоит всецело на почве выводов Г. Дес-

сау. Для него НА — безусловно фальсификация конца IV в., результат работы одного писателя. Своей задачей английский ученый считает подкрепление тезисов Г. Дессау новыми доказательствами, внесение уточнений, постановку и решение некоторых вопросов на основании более углубленного, чем это сделал Г. Дессау, изучения НА.

Важнейший вклад самого Р. Сайма в изучение НА — выяснение взаимоотношений между «Римской историей» Аммиана Марцеллина и НА — вопрос, еще не ставившийся в науке. Близость НА к Аммиану сказывается в разных отношениях; общий интерес к Египту и Исаурии, небольшой области в Малой Азии (стр. 43—52), в совпадении разных деталей (стр. 25—71). Осторожный автор в полной мере сознает, что не всякое из его сопоставлений имеет само по себе доказательную силу (ведь совпадения могут быть и случайными, и зависящими от общих прямых или косвенных источников). Однако такие разрозненные черты сходства приобретают вес, если оказывается возможным найти случаи сходства, наглядно показывающие зависимость одного произведения от другого. Такие твердые точки опоры Сайм находит в XV книге Аммиана. Отзвуки некоторых мест этой книги имеются в НА. Стоит подробнее остановиться на рассуждениях Сайма по поводу тех трех мест XV книги Аммиана и соответствующих мест в НА, которым английский автор придает особое значение (стр. 70).

В разделе *Quadrigae tyrannorum* (8) в НА приводится письмо императора Адриана консулу Сервиану, которому император послал в подарок разноцветные переливающиеся цветочные чаши. В конце письма — пожелание ставить их в праздничные дни гостям и предостережение: «Однако позаботься, чтобы наш Африкан не слишком неумеренно пользовался ими» — *caveas tamen ne his Africanus noster indulgenter utatur*. Кто этот Африкан? Вопрос этот до сих пор никого не интересовал. Нам известен, но только по имени, коллега императора Траяна по консульству 112 г. Тит Секстий Африкан. Ничто в данном случае не говорит против него, но ничто и не говорит в его пользу. Бесспорно одно: Африкан, упомянутый в письме, очень склонен к крепким напиткам. Аммиан рассказывает об одном эпизоде, случившемся в 355 г. (XV, 3,7 сл.). Правитель Паннонии Секунды давал пир в Сирмуме. Некоторые из присутствовавших, разгоряченные вином, по выражению Аммиана — «увлажненные объемистыми бокалами» (*posulis amplioribus madefacti*), не удержались от слишком вольных разговоров и стали жаловаться на тяжесть правления императора; зашла речь и о предстоящей церемонии на основании прорицаний. По допосу все участники «ро-

² E. Diehl, *Historia Augusta*, RE, Hlbd, 16, 1913, стб. 2051—2110.

³ Здесь не место излагать в подробностях дискуссию о НА. О состоянии вопроса см. E. Hohl, *Bericht über die Literatur zu den Scriptoribus Historiae Augustae für die Jahre 1924—1935*, «Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft, begr. v. C. Bursian», Bd 256, 1937; *Bonner Historia-Augusta-Colloquium*, «Antiquitas. Beiträge zur Historia Augusta Forschung...», hrsg. v. A. Alföldi, Bonn, 1963 (1964), 1964/1965 (1966), 1966/1967 (1968). Особенно A. Chastagnol, *Le problème de l'Histoire Auguste, État de la question*, *Historia-Augusta-Colloquium* 1963 (1964), стр. 43 сл. См. также E. Manni, *Recenti studi sulla Historia Augusta*, «La parola del passato», 1953, fasc. 28, стр. 71—80; A. D. E. Cameron, *Literary Allusions in the Historia Augusta*, «Hermes», 92, 1964, стр. 363 сл.; А. Доватур, *История изучения Scriptorum Historiae Augustae*, ВДИ, 1957, № 1, стр. 245 сл.

кового обеда» (*letalis mensae*) были схвачены, последовали репрессии. Хозяин ширшества носит у Аммиана редкое в ту эпоху имя Африкан. Автор НА любит упоминать о пьянстве и попойках, а нашумевшее дело наместника Паннонии Африкана (стр. 67) не могло не произвести на него большого впечатления. Сочиния подложное письмо Адриана, автор биографий вдохновлялся и приведенным местом из Аммиана, свободно перенес найденные у последнего мотивы из времен правления Констанция во времена Адриана (стр. 66—68). Второе место из Аммиана, привлеченное Саймом для сравнения с НА, касается неудачной попытки франка Сильвана объявить себя императором в Агриппине в 355 г. (XV, 5, 15—16). За отсутствием порфиры он приказал сорвать пурпурные доскуты со знамен (*a dracopum et vexillorum insignibus*). НА говорит о таком же использовании того же самого материала в связи с провозглашением Гордиана I более чем за 100 лет до попытки Сильвана (*sublata de vexillis purpura* — Gord. 8.3). Всю сцену провозглашения Гордиана Сайм относит к числу свободных композиций автора «Истории Августов»; упоминание о пурпурных тканях, сорванных со знамен, навеяно рассказом Аммиана о Сильване.

Сопоставляет еще Сайм рассказ Аммиана о галльских женщинах с сообщением НА о жене узурпатора Прокула, носившей имя Витурига. По словам биографа, «тиран» Прокул (уроженец Альбингавна в Приморских Альпах) имел жену, которая первоначально называлась Самсо, впоследствии — Витурига. Эта мужеподобная женщина толкнула мужа на безумную авантюру (*uxor virago, quae illum in hanc praecipitavit dementia* — Quadr. Туг. 12,3). Сайм уверен, что никаких реальных сведений о жене узурпатора у биографа быть не могло. Эта жена — продукт фантазии, и ее первое имя — не что иное, как имя мощного библейского Самсона (таково было и мнение Домашевского), а во втором ее имени нетрудно распознать название галльского племени оштуригов. Самое появление этой особы в биографии Прокула вызвано знакомством биографа с характеристикой галльских женщин у Аммиана. На некотором расстоянии от рассказа об узурпаторе Сильване Аммиан сообщает о галльских женщинах, что они, превосходя мужей силой, приходят к ним на помощь в борьбе, надув шею, скрежеща зубами, размахивая белоснежными руками и попеременно раздавая удары кулаками и ногами, подобно метательным снарядам, выскочившим из скрученной тетивой (XV, 12,1).

Если автор НА успел познакомиться с XV книгой Аммиана, прочитав ее или услышав рецитацию, а эта книга, по правдоподобным расчетам Сайма, стала из-

вестной в 392 г., то написание НА падает на время между 392 и 394 гг. (стр. 70). Дополнительные соображения подкрепляют такую датировку (стр. 73—74).

Установив дату возникновения НА, Сайм в дальнейшем занимается изучением места этого произведения среди литературной продукции того времени, выявлением личности автора и его социальной среды (вопросы, к которым он еще вернется в конце книги). Он пересматривает старое положение о большой близости биографий НА к биографиям Марция Максима и высказывает мнение, что вторые были для первых не столько источником, сколько образцом (стр. 89—93). В НА имеются следы влияния исторического труда Аврелия Виктора — «*Caesares*». С меньшей степенью уверенности то же можно утверждать и о бревнаррии Евтропия. Сайм находит в НА точки соприкосновения с утраченными «*Анналами*» Никомаха Флавияна (разумеется, в форме гипотезы), а также с эдиктами *Codex Theodosianus* (употребление некоторых технических терминов среди риторического или внушающего подозрение контекста), с Аппицем, латинскими панегиристами; в качестве параллелей Сайм считает возможным привлекать жизнеописания святых и отшельников — Иеронима и др. В таких сочинениях было много фальсификаций, включая ссылки на несуществовавшие рукописи, надписи, исторические и другие произведения (все это напоминает выставление напоказ своей эрудиции автором НА).

В специальной главе Сайм проводит сравнение между Аммианом и НА (стр. 126—141), называя свое сравнение парадоксальным на том основании, что НА недвусмысленно противопоставляет себя историческим произведениям, и свой стиль стилю истории. Тем не менее Сайм находит сходство между историей Аммиана и биографиями НА. Аммиан, подобно автору НА, высоко ставит образованность и восхваляет обладавших ею высокопоставленных лиц, не падая в то же время тех, кто был груб и некультурен. В той или иной форме, в той или иной степени оба автора любят приводить места из тех четырех латинских авторов, которые главенствовали в школьном обучении: Цицерона, Вергилия, Саллюстия Теренция. Аммиан при всем своем стремлении соблюдать достоинство исторического повествования не может удержаться от сообщения в своих экскурсах множества несущественных деталей, и в этом он приближается к манере НА (стр. 130—133). Нет надобности следить за дальнейшим, довольно сложным, ходом мысли автора рецензируемой книги. Отмечая сходство в том или ином отношении, он здесь же, в своих рассуждениях, вносит поправки, ослабляющие доказательность отмеченного им сходства или даже сводящие ее на нет.

В двух главах рассматривается отношение Аммиана (стр. 142—153) и НА (стр. 154—164) к аристократии. Мы найдем у Аммиана неблагоприятные суждения о высшем социальном слое Римского государства (XIV, 6, 7 сл.; XXVIII, 4, 6 сл.; 4, 14). В частности, осуждается спесь родовитой знати, гордившейся своим происхождением (XXVIII, 4, 7). Автор НА в своих вымышленных генеалогиях римской аристократии дает, как думает Сайм, пародию на пышные родословия аристократических семей.

Большой интерес представляет глава об именах в НА (стр. 165—175). Соглашаясь с результатами трудов своих предшественников, добавляя к их наблюдениям новые, Сайм показывает фиктивность огромного количества собственных имен в НА. Оказалось, что таких имен, «пахнувших подделкой», больше 200. Сюда входят имена потомков династии Антонинов, имена других аристократов, высоких должностных лиц, учителей и профессоров, которые обучали будущих императоров, а также имена историков и биографов. Критерием для выделения подделок служат для Сайма, как и для его предшественников, отсутствие упоминания о носителях этих имен в других источниках (литературных и эпиграфических), а иногда и самый характер этих имен. Много раз встречаются в НА имена Ульпиов, Элиев, Аврелиев, Анниев — все это *gentilicia*, известные во времена Антонинов. Охотно создает автор НА людей с *cognomina* — Сабин, Север, Бальб. Пускает он в ход и редкие имена. Так, Песценнию Нигеру он приписывает мать Лампридию (Pesc. 1, 3). Нам известен только сенатор Лампридий V в. (CIL, III, 14239, 8) и мнимый автор некоторых биографий НА, носивший будто бы такое имя. Совершенно фантастичен Меоний Астианапакт, на свидетельство которого есть ссылка в разделе о Тридцати тиранах (12, 3). Начитанный автор биографий нередко создает деятелей прошлого, наделая их почерпнутыми из литературы именами. У Цицерона упомянут носитель чрезвычайно редкого имени (Децим) Карфулен (Phil. III, 23). В НА появляется сенатор Статилий Карфулен, предлагающий на заседании сената вынести постановление о почестях Клодию Альбину (Clod. Alb. 12, 11). По образцу имени Аврелия Орестиллы (жены Катилины) создана Фабия Орестилла, жена императора Гордиана (Gord. 17, 4). От отдельных примеров Сайм переходит к обобщению — к перечню трюков, которые автор НА проделывает с именами. Биограф с помощью имен составляет фиктивные родословные и сочиняет такие же родственные связи (о чем уже была речь выше) — получают выдуманные перечни имен (Aug. 13, 1); подлинные списки дополняются выдумками (Tug. trig. 10, 15; Prob., 22, 3);

подлинные исторические лица удваиваются (Gord. 18, 2; Sagas. 4, 4); излюбленные имена повторяются (Alex. 3, 3—Clod. Alb. 6, 1; Gord. 2, 2—4, 2) и др. Оговаривается склонность к употреблению экзотических имен; в числе последних — имена родителей императора Максимиана — Мисса и Набаба (Сайм считает напрасным трудом, если не явным безумием, доискиваться, как это делает ряд исследователей, являются ли эти вымышленные имена, не имеющие никаких шансов быть достоверными, германскими или иранскими).

В трех последних главах книги подводятся итоги всему сказанному выше, т. е. делаются обобщения на основе тех детальных исследований, которые произведены в предшествующих главах.

Прежде всего вопрос об авторе НА (стр. 176—191). Во всем корпусе биографий можно провести резкую границу между компиляцией и свободной композицией. Что касается использованных для компиляции источников, то они в одних случаях латинские, в других греческие. Источники могли быть использованы с большей или меньшей тщательностью, с большей или меньшей примесью вздорных сообщений. Многое говорит в пользу тезиса о едином авторе всего сборника НА: распределение клаузул, сфабрикованных собственных имен, отсутствие всякой опоры для предположения о едином редакторе сборника произведений песты авторов, общие черты стиля всех биографий. Личность автора отражается главным образом в тех частях биографий, где доминирует фикция.

Характерным для автора НА Сайм считает выставление напоказ своей любви к литературе. Императоры цитируют у него классических авторов; сенаторы, выбирая императором Тацита, среди других доводов в пользу его избрания приводят и его образованность — *esquis melius quam litteratus imperat* (Tac. 4, 4). Младший Гордиан сам является автором сочинений (Gord. 20, 6). Нумерман, второй сын Кара, славился как оратор (Sag. 11, 3). Биограф выдумывает имена ученых, которые будто бы были наставниками юных Александра (Alex. 3, 2 сл.) и Максимиана Младшего (Max. 27, 3 сл.). Автор НА любит библиотеки и несколько раз упоминает о *bibliotheca Ulpia*. Есть упоминание о 62 тысячах книг Серена Саммоника, которые получил в наследство младший Гордиан (Gord. 18, 2).

Искомый автор НА постоянно обнаруживает профессиональный интерес грамматика. После смерти императора Клавдия II сенат поместил в курии статую его изображением — *illi clupeus aureus vel, ut grammatici locuntur, clupeum aureum* (Claud. 3, 3); видимо, грамматика брали слово в среднем роде для отличения декоративного щита от

боевого. По другому поводу говорится: *de dignitate vel, ut coeperunt alii loqui, de maiestate* (Gall. 14, 11). О тех же интересах свидетельствует и произвольная этимология слова *prandium*: *dicunt militare prandium, quod dictum est prandium ab eo, quod ad bellum milites parat* (Gall. 20, 5). Наряду с другими признаками грамматика на эту профессию автора НА указывают его ссылки на Луцилия (Pert. 9, 5), эпитет Геркулеса Фунданского (Tas. 17, 2), упоминаемый в нашей литературе только один раз (в схолиях Порфириона к Горацию — Ерр. 1, 1, 4), вообще некоторые ссылки на редко упоминаемых авторов. У биографа Сайм находит вкусы схолиаста и соответствующий склад ума (стр. 186). Он беззащитен: высказывание Доминиана спокойно приписывает Адриану (Avid. 2, 5 сл.), в чем, впрочем, сам тут же сознается; Сайм полагает, что некоторые каламбуры императоров уже задолго до них бытовали в устной речи и только наш биограф вкладывает их в уста определенных лиц. Манией автора НА было коллекционирование слов — отсюда перечни яств, одежд, технических терминов, разных *siglosa*.

Автор НА не интересуется законами и юристами, проявляет неосведомленность в военном деле прошлого. Нет признаков знакомства с сочинениями Тацита, с философией, медициной, точными науками. Он охотно говорит о прорицаниях, предзнаменованиях; лишен основательных знаний о древних римских культах, о чужих религиях. Подобно многим своим современникам, он далек от греческой литературы, однако обычные у римлян отсылки о греках (умны, но легкомысленны и лживы) у него отсутствуют. Следует глава о социальной среде, в которой сформировался биограф (стр. 192—202). Возникает сильное подозрение, что *scholasticus* не имел ясно выраженных социальных и политических убеждений. Близость некоторых воззрений и предубеждений к воззрениям и предубеждениям аристократии вовсе не свидетельствует о принадлежности автора к высшему обществу Рима. За традицию (к тому же в поверхностном ее понимании) могут цепляться представители разных слоев общества. Сайм не согласен с теми исследователями, которые упорно продолжают считать автора НА аристократом. По его мнению, биографии написаны отставным школьным учителем; может быть, чиновником в какой-нибудь отрасли управления, возможно, даже библиотекарем или переписчиком классических текстов. Во всяком случае, это был человек, который в досужее время своего незаметного существования неожиданно увидел возможность литературного развлечения и поддался соблазну обмана и мистификации (стр. 198). Вопрос о его родине Сайм признает не-

существенным, но все же выдвигает некоторые данные, говорящие скорее всего в пользу африканского происхождения писателя.

Следующая глава посвящена общей оценке произведения (стр. 203—210). Обманщик в своем сочинении, облеченном в ученую форму, дал пародии на императорские биографии. Он мастер контрастов: Авидий Кассий противопоставляется императору-философу, образованный Гордиан — грубому и невежественному Максимино. Искусно, при помощи разного рода связок, императоры так или иначе соединяются друг с другом в цепочку. Жизнеописания военных императоров (Клавдий II, Проб) не давали большого простора для приукрашивания. Зато благодарной темой был император Тацит — ученый, со скромными вкусами, воздержный в еде и питье, умеренно пользовавшийся баней, любитель охоты, не позволявший своей жене носить драгоценные камни, каждую ночь что-нибудь писавший или читавший (Tas. 11), заботившийся об увековечении памяти историка Тацита, которого он считал своим предком (10, 3). Главный интерес биографа — в собирании разного рода чисто внешних деталей. Для описания характеров у него не хватает любознательности или таланта. Он начал как компилятор, но уже в ранних биографиях обнаружил качества ретора, которые по мере продвижения работы вперед все более развивались и совершенствовались. К концу он предстает перед нами как опытный исторический романист, который, отбросив стыд и страх, *suo tantum ingenio utebatur* (слова Тацита о Тиберии — Ann. VI, 51, 2) (стр. 204 сл.). Юмор в НА элементарный, подходящий для школьного учителя; у него есть много ребяческих преувеличений и фантазий, кое-что напоминает даже «*Testamentum porcelli*», — произведение, созданное для увеселения детей в классе (стр. 205). В этой главе еще раз дается развернутая характеристика автора НА: «Литературная личность, привычки и приемы которой можно понять и проанализировать. Они свидетельствуют о чем-то вполне познаваемом, больше всего о несообразностях... Автор НА был умным, но хитрым и легковесным, циничным и лишенным чувства ответственности; плутоватым грамматиком, чутким к странностям фактов или языка; знатоком по части одежд и декораций; также знатоком всяких *siglosa*, включая и религиозные, но лишенным серьезных внутренних убеждений; сверх всего — собирателем с беспорядочным умом. Его недостатки помогают разоблачить его. Человеку с таким характером было безразлично, история ли или выдумки поднимают его из преисподней литературы в более высокие области» (стр. 207 сл.).

Книга Сайма заканчивается главой «Проблемы» (стр. 211—219). Проблемы НА многочисленны и причиняют беспорядка. Сайм резюмирует их следующим образом. Первая проблема литературная: источники, фабрикация, структура, композиция. В противоположность последующим биографиям первые биографии (до Максимиана) в значительной степени беспорядочны и гетерогенны по своему составу. Хотя путем их анализа и можно дойти до последнего источника, однако все же оказывается много добавленного и покрашенного материала. На вопрос, сколько слоев и пересмотров следует принять во внимание, нелегко ответить.

Вторая проблема — количество авторов. Большое сходство между биографиями заставляет Сайма объявить себя сторонником предварительной гипотезы единого автора всего сборника.

Требуется еще много работы для выяснения отношений вспомогательных биографий (т. е. биографий сопративителей, претендентов, лиц, не достигших звания Августа) к основным биографиям; важно выяснить также, на каком этапе своей работы автор решил добавить посвящения императорам и выдать произведение за сочинение шести писателей. Его фабрикации следует изучить и классифицировать — по типу и охвату. Язык НА нуждается в тщательном изучении; Сайм находит, что этот аспект вопроса в последнее время не был предметом должного внимания. Вообще, по мнению Сайма, преобладающая часть дискуссий начиналась «с дурного конца» — с поисков даты и замысла сборника. Среди большого количества соображений Сайма заслужива-

ют внимания его скептические высказывания о поисках пропагандистских целей биографий. Автором НА руководило тщеславное удовольствие вводить в обман своих читателей. Трудно уловить у него какой-нибудь серьезный политический замысел (стр. 212—214).

В последней главе автор рецензируемой книги еще раз предостерегает против доверия к показаниям НА (стр. 218 сл.).

Большой библиографический список (180 названий) замыкает книгу.

В итоге английский ученый дал любопытную книгу, развивающую и обосновывающую ту критическую точку зрения, которая является в настоящее время господствующей в изучении НА. Пересмотр, уточнение и расширение старой аргументации сопровождается в книге Сайма совершенно новыми доводами, в первую очередь — вытекающими из сопоставления НА с трудом Аммиана Марцеллина.

Автор взвешивает свои доказательства, не раз предупреждая читателя о недостаточной весомости отдельных аргументов, настаивая лишь на действительности их как связной цепи, как совокупности. Даже в конце книги он называет свое положение о едином авторе сборника предварительной гипотезой (such at least is a provisional hypothesis — стр. 211). Простудировав книгу Сайма, читатель окажется обогащенным как в отношении освоения новых данных и соображений о НА, так и в том, что касается методики своеобразного подхода к текстам, с трудом поддающимся исследованию с помощью обычных для филологии и источниковедения приемов.

А. И. Доватур

ЧЕТЫРЕ НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

The Prosopography of the Later Roman Empire, by A. H. M. Jones, J. R. Mantindale, J. Morris, vol. I: A. D. 260—395, Cambr., 1971, XXII + 1152 стр.

Трудно переоценить значение задуманного английскими учеными свода позднеримской просопографии, который должен выйти в трех томах, доведенных до середины VII в. Разумеется, у издателей были свои предшественники — недаром сами они начинали работу с росписи «Реальной энциклопедии» Паули — Виссова, и тем не менее издаваемый ими свод может служить не только удобным справочником, где собраны в обозримом объеме важнейшие сведения о римлянах в пределах 260—640 гг., но и стимулом для социально-статистического анализа позднеримского общества. В самом деле, свод

дает материал для того, чтобы ставить вопросы об имущественной обеспеченности, происхождении, социальной подвижности господствующей верхушки, ибо, конечно, именно она (наряду с деятелями культуры — писателями, врачами и т. п.) всего подробнее представлена в своде.

Основная часть книги — расположенные в алфавитном порядке биографии отдельных лиц.

Уже самые шрифты (полужирный, курсив и т. п.), которыми набраны имена, имеют «социальную нагрузку», обособляя иллюстрируемых, *spectabiles*, *clarissimi* от остальной массы ученых лиц. Графически